

Олег Школьник

Два рассказа

Квартира моего детства

Вот интересно, как вы думаете, что такое жизнь вообще, а главное – жизнь в одном взятом городе, где вы родились? Пока вы размышляете над этим вопросом, могу поделиться с вами своими умозаключениями на этот счет.

Каждый человек с самого начала своего существования любит получать подарки. Скажу больше – появление вас на этом свете уже огромный подарок, и имейте в виду, с очень большим смыслом. Но подарки такая вещь, к которой нельзя привыкать. И поэтому их много не бывает, а если иногда и случается, то за них так или иначе надо будет не то чтобы обязательно заплатить, но ответить придется.

Ну, во-первых, прежде чем вам родиться, хорошо бы, чтобы два хотя бы симпатичных и здоровых, но при этом еще приличных человека, он и она, встретились, полюбили друг друга и отважились совершить некое таинство, в результате которого возникла бы вероятность вашего рождения. Это ваш первый подарок!

Во-вторых, было бы совсем недурно, чтобы их встреча произошла в хорошем и красивом месте. Это обстоятельство сыграет немалую роль в их и, конечно же, в вашей дальнейшей жизни. Так вот! Если вам сильно повезет, то при отсутствии всевозможных препятствий может так случиться, что вы появитесь на свет в удивительном городе на юге огромной империи и при этом на северном берегу теплого Черного моря.

Объяснять вам, что это за город и как он там возник, я не стану. Скажу только, что он называется Одесса. И еще скажу, что

мне как раз повезло здесь родиться, а это, без всяких сомнений, уже огромный подарок.

Но мне повезло еще больше. Мало того, что я родился в Одессе, – так это случилось еще и на Молдаванке, в самом ее сердце.

Коммунальная квартира! Сейчас их почти не осталось, и многие даже не представляют себе, что это такое. А в них прожили жизнь целые поколения чудесных людей, многие из которых ни при каких обстоятельствах не желали перебираться в отдельные квартиры. А как, спрашивается, там жить? Там же не с кем ни поговорить, ни поскандальить. В этих домах никто никого не знает, никто ни к кому не ходит, и даже не здороваются!

А знаете, где в коммунальной квартире главное место? Вы, может быть, думаете, что это апартаменты каждого из соседей? Ошибаетесь! Главные места в этом обиталище – коридор, уборная и ее величество кухня.

Начнем с коридора. Это чаще всего замысловатый лабиринт, где любой человек будет блуждать, натываясь на шкафчики и шифоньеры, тазы и велосипеды, обувь, коврики, детские игрушки и всякую другую дребедень. А вы, в отличие от него, с закрытыми глазами можете пробежаться по нему к любой точке. Не испытывая при этом никаких неудобств. Именно в коридоре можно с самого утра встретиться буквально с каждым из ваших соседей, и эта встреча способна изменить ваше представление о жизни на целый день.

Уборная – так в те времена называли туалет. Сказочное место. Там вы сразу понимали, сколько семей проживает в этой квартире, как у них с гигиеной и какого они достатка. Ответы на эти вопросы давали: количество выключателей и лампочек, присутствие или нет запаха хлорки и, конечно же, круги для унитаза разных форм и калибров, что красноречиво говорило о благосостоянии их владельцев.

Ну и самое главное место, вне всяких сомнений, – кухня. Кухня – это самый главный и важнейший плацдарм на всей территории коммунальной квартиры. От того, сколько ваших конфорок на плите и каковы размеры вашего кухонного шкафчика, от места расположения этого богатства – у стены ли, или у окна, где вам причиталась еще и часть подоконника, зависел ваш вес и влияние

в этом милом «государстве». И действительно, в каждой квартире на самом видном месте висели два графика – один по уборке коридора и туалета, другой по уборке кухни.

А дверные звонки – это же настоящая симфония того времени! Начиная с дореволюционных, они выглядели как-то даже музейно, звонко тренькали от поворота ручки, но почему-то, наверное, чтобы не выделялись из остальных на вид скучных кнопок, их всегда закрашивали масляной краской жуткого цвета под панель. Их кнопочные электрические собратья звенели и гремели всеми голосами. Иногда несколько семей из экономии пользовались одним звонком, тогда под ним висела табличка – кому и сколько раз звонить.

Особым удобством считались балконы. И самое ценное удобство в них было не в возможности выйти на свежий воздух и не в разведении цветов. Важнее всего была лишняя площадь для автономной сушки белья, склада всякого несезонного хлама и использование балкона как наблюдательного пункта.

Хорошо, если балкон принадлежал только вам, но чаще всего и он был коммунальным. Тогда все зависело от отношений владельцев. Бывало, что частные балконы нельзя было отличить от коммунальных – значит, у соседей добрые семейные чувства друг к другу. Но иногда на балконах сооружались целые крепости, порой даже с решетками – только бы их не видеть, этих...

Но самыми главными в этих жилищах были, безусловно, люди. И, знаете, как бы им, с нашей продвинутой точки зрения, там ни жилось, какие бы трудности и неудобства они ни испытывали, жили весело! И неважно, кто ты, важно – как ты. Чаще всего коммуналка превращалась в одну большую семью, где люди от всей души подкармливали соседских детей, оставались с ними или приглядывали, когда родители были на работе. А какие свадьбы справляли, а как накрывали столы!

Наверное, сейчас возвращаться в коммунальную квартиру не очень хочется, но жгучая ностальгия по такому человеческому общению не оставляет меня по сей день.

Когда-то давным-давно весь этаж большого трехэтажного дома принадлежал моей прабабушке. У нее было шестеро своих детей и четверо приемных. Но потом кому-то показалось, что так

жить нельзя, хотя жилось, и совсем неплохо. Одним словом, наступили времена... и пошло, и поехало... В результате, когда пришла моя очередь появиться на этом этаже, мои мама, папа и бабушка проживали в восьмиметровой комнатухе, которая когда-то служила прибежищем для одной прислуги, таким образом нас там было четверо, а вокруг шумела большая нежно любящая друг друга коммуналка.

Видите, мне, оказывается, и тут повезло. Первое, что я уже как-то сознательно помню, – утро, видимо, воскресного дня, я только что проснулся в своей никелированной кроватке с шишечками и сетчатыми стенками. Пахнет вареной картошечкой, луком и селедкой – святым меню завтрака выходного дня. А по радио самое любимое – программа «С добрым утром!» и голос Марка Бернеса. У моих приподнятое настроение. Все, ну исключительно все мне искренне рады. Погода чудесная, солнышко светит. Все еще молодцы!.. Живы!.. И счастливы!..

Двор, которого нет...

Когда-то Булат Шалвович Окуджава спел: «Я – дворянин арбатского двора, своим двором возведен во дворянство...».

Сегодня, вспоминая эти строки, я могу смело назвать каждого, кто родился в СССР, дворянином своего двора. А про себя и моих земляков сказать – мы дворяне одесского двора! Одесский двор! Это, конечно же, что-то особенное... И, поверьте мне, в этом нет ни капли хвастовства или заносчивости. Уже давным-давно одесский двор стал мифом не только в Одессе, но и далеко за ее пределами. Но почему же мифом? А наверное, потому что сегодня понятия двор, как правило, не существует. Ведь что это такое – двор? Это внутреннее замкнутое пространство жилого дома. Оно могло быть каким угодно. Все зависело от фантазии архитектора и его вкуса. Дворы были разными: большими и не очень, с палисадниками и без, даже с фонтанами и памятниками, с деревьями и лавочками, напоминающие приличные сады. Но самое главное, что было в одесских дворах, так это открытая и общая жизнь всех жильцов конкретно этого дома. Как бы люди

ни относились друг к другу, а поскольку это люди, то можете не сомневаться, что по-разному, так или иначе, их живо интересовало все. Двор, как правило, жил одной большой семьей, и все радости и печали были общими. И если кто-то из жильцов не принимал правил игры, присущей исключительно этому дому или двору, он долго тут не задерживался, потому что все начинали «дружить против него». Я, честно говоря, скучаю по тому времени. В нем, как и в каждом одесском дворе, была неповторимая атмосфера доброжелательности, искренности, откровения, человеческой чистоты, если хотите, и, конечно же, нашего одесского юмора, без которого ни один двор невозможно себе представить.

Мой первый двор, о котором я могу говорить осознанно, был двор в доме на Екатерининской (бывшей Карла Маркса), между Бебеля (сейчас, как встарь, Еврейской) и Жуковского. Дом постройки 1892 года, с квадратным небольшим двориком, без зеленых насаждений, но зато украшенный по обеим сторонам железными винтовыми лестницами. До революции эти лестницы считались «черным ходом», по ним ходила только прислуга, но в наши советские времена большие и удобные квартиры превратились в густонаселенные коммуналки, и бывший «черный ход» стал абсолютно белым.

Мы жили в отдельной двухкомнатной квартире, куда въехали, сменяв две разные комнаты. Теперь бабушка жила с нами. Мне было полшестого. То есть пять с половиной лет. Дело было зимой. Квартира казалась мне большущей и абсолютно необычной. Шутка сказать – туалет наш, кухня, опять же, только наша. Это уже потом выяснилось, что комнаты вовсе не такие большие, да еще и смежные. Кухня маленькая, а ванной – вообще нет... Купались в туалете, где папа соорудил душ. Квартира была темной, так как одна из винтовых лестниц закрывала весь дневной свет, и в солнечный день у нас всегда горел торшер. Но как бы там ни было, она же самостоятельная!

В морозный декабрьский денек я впервые вышел во двор. Во дворе никого не было, и я потихонечку несмело стал его разглядывать и изучать. Мы жили на первом этаже в парадной прямо напротив входа во двор. Слева от нее были наши окна, справа соседские, а посередине была стена с двумя водосточными трубами,

которые долгое время служили нам штангами во время игры в футбол. Когда я бил по этим воротам, то всегда старался брать чуть левее, чтобы не попасть по своим окнам, сквозь которые за матчем, как правило, наблюдала бабушка. И если промахивался, то частенько попадал мячом в соседское окно. Стекла бились не всегда, но часто. Скандалов по этому поводу почти никогда не было. Хозяином этих окон был фронтовик по фамилии Краснянский, инвалид войны, который всегда с удовольствием, сидя у окна, болел за команду наших пацанов. И когда стекло – вдребезги, всегда с улыбкой говорил: «Ничего страшного, это же мои мальчики...».

Кто же эти наши мальчики? Мы как-то сразу сдружились. Один – Гриша Голобородько, мой одноклассник, жил в коммуналке на третьем этаже. Второй – Коля Русаковский, проживал в коммуне второго этажа, и все это по винтовой железной лестнице. Что мы только не вытворяли с этой железкой! Мы взбирались по ней с внешней стороны, а особым геройством считалось сделать это в морозный день, когда лестница обледеневала. Дом наш был трехэтажным, но лестница вела еще на крышу, в чердачное помещение. Чтобы туда попасть, надо было пройти с верхней площадки лестницы до входа на чердак по двум доскам без перил. Это было испытание. Так меня принимали в свои. Было страшно. Метров шесть без опоры и на уровне крыши. Дрожал, но прошел. Туда с трудом, а обратно уже много легче. Но пропотел насквозь... А потом... бегал туда и не думал об опасности.

На чердак мы ходили часто. Там у нас был штаб. Помню, как я выпилил лобзиком из фанеры пятиконечную звезду, выкрасил ее красной краской и прибил ее над входом чердака. Мы играли в Тимура и его команду. Задача – помогать старшим, особенно женщинам-пенсионеркам, которые без мужа. В арке повесили стенгазету с объявлением о нашей помощи, и к нам стали обращаться. Ходили за покупками, девчонки убирали и готовили, мыли посуду, что-то подшивали. Вспоминаю это время с большим удовольствием, примерно с тем же, что и тогда. Мы никогда ни перед кем не отчитывались, нигде и никому об этом не говорили, просто знали, что так надо и что это хорошо. Нас во дворе уважали и частенько закрывали глаза на наши иногда бурные шалости. Для каждого мы были – наши мальчики.

Еще мы болели футболом! Впервые я попал на стадион в 1964 году, когда одесский «Черноморец» вышел из класса «Б» в класс «А», как сейчас бы сказали – в премьер-лигу. Весь город принимал этот факт как личную победу каждого одессита. Что творилось на трибунах! Всеобщее счастье и братание! Все трудности и жизненные неурядицы отходили на второй план, да вообще, о них никто не вспоминал, главное – Одесса победила! Не команда, а весь город. Люди ликовали. После игры буквально в каждом дворе до ночи обсуждали и отмечали все коллизии матча. И невзирая на позднее время, нас не гнали спать. Как мы мечтали быть хоть чуть-чуть похожими на легендарных игроков того незабываемого состава! Они играли за Одессу! Уже много позже я услышал от вратаря «Черноморца» того времени, Семена Альтмана, фразу, которая объяснила мне все: «Мы, – сказал Семен, – играли с солнцем в крови!». Вот это я понимаю!

В коммунальной квартире моего друга Гришки жила семья Анисимовых. Ольга Ефимовна и ее муж дядя Боря. Дядя Боря был благообразным пожилым человеком с очень красивой седой шевелюрой, едким юмором и острым глазом. Ему как фронтовику к Дню Победы подарили телевизор «Таурус». По сравнению с нашим маленьким «Рекордом» это был широкоформатный кинотеатр. 1966 год, чемпионат мира по футболу в Англии. Мы с Гришкой тщательно готовились. Сохраняли все наши копейки на школьные завтраки и к началу чемпионата купили фотоаппарат «Смена-8», чтобы снимать голы и острые моменты. Каждый вечер мы приходили к дяде Боре. Он сидел в кресле перед большим новым телевизором, а слева и справа от него стояли две низенькие табуреточки для нас с Гришкой. Каждый из нас по очереди следил за игрой через фотоаппарат и снимал, снимал, снимал... Ну, во-первых, четыре гола Валерия Паркуяна, сделавших его настоящей звездой футбола. А как играл И. Численко!.. А Хурцилава и Метревели? А Яшин и Шестернев? До сих пор живы эти старенькие фотографии, сделанные с дядибориного телевизора.

Но о дяде Боре есть еще одна история. Страна готовилась к очередным каким-то выборам, и к нам во двор пришла немолодая женщина-агитаторша, которая разносила приглашения на эти самые выборы. Я болтался во дворе, и эта женщина спро-

сила у меня, знаю ли я, где живут Анисимовы. Я сказал: знаю, по винтовой лестнице, третий этаж. Одним словом, она попросила меня отнести эти бумажки дяде Боре. Я с легкостью согласился и, поднимаясь наверх, прочитал в приглашении Анисимов Иван Илларионович. Честно говоря, я очень удивился. Дядю Борю знаю, а вот Ивана Илларионовича?.. Я вбежал на общую кухню и увидел моего любимого дядю Борю за чаем. Он пил из под-стаканника вприкуску и еще при этом с наслаждением курил в форточку папиросу «Сальве». Вручив ему все, что принес, я поинтересовался, кто же все-таки такой этот загадочный Иван Илларионович. Дядя Боря, смачно затянувшись, хитро глянул на меня и сказал:

– Я! – и, не дав мне опомниться, продолжил: – Видишь ли, – сказал он, – когда почти полвека проживешь с такой золотой женщиной, как Ольга Ефимовна, становится все равно, как она тебя называет. Боря – так Боря, лишь бы она мне была здорова.

О нашем дворе можно было бы еще много рассказать. За каждым окном своя жизнь и история. Тогда не ставили решеток на окна и не знали, что такое бронированные двери. Жили нараспашку, нечего было скрывать и прятать. Сегодня иначе. И каждый раз, проходя мимо дома моего детства, я вижу на воротах кодовый замок и понимаю, что туда уже не вернуться никогда... Я так хочу, чтобы этот старый одесский дом жил долго и свободно, чтобы в нем рождались дети и снова играли в футбол, и иногда даже били стекла... Улыбнусь и иду мимо – из наших там уже никого нет.

